

Известный незнакомец

Ах, обмануть меня не трудно!
Я сам обманываться рад!
/ А.С.Пушкин /

Я открыл глаза и увидел необыкновенное синее небо, на котором мастерски разложили ветви деревьев с зелеными листочками. Присмотрелся и понял – небо от меня закрывали величественные кроны. Я сместил взгляд ниже, оценил высоту и крепость природных насаждений, сместился еще ниже и уперся в сырой чернозем. Из земли торчали корни деревьев, похожие на изогнутых змей, который тянулись ко мне, но их держала за хвосты невидимая сила, притаившаяся во влажной земле.

Почему-то мне стало трудно дышать. То ли от испуга, то ли от сырости, забравшейся в мои легкие. Я громко кашлянул и почувствовал в затылке невыносимую боль. Приподнял голову и пощупал место, где боль ощущалась особенно сильно. Моя рука окрасилась в красный цвет. Я внимательно изучил ладонь, затем принюхался, в результате к горлу подкатила тошнота.

Чтобы справиться с приливом недомогания, мне захотелось что-то сказать. Громко и выразительно, чтобы разбавить давящую на уши тишину, а заодно успокоить себя.

- Ага! – неожиданно вырвалось из меня, словно я догадался, где нахожусь и как здесь оказался.

Потом мне захотелось превратить монолог в диалог.

- Привет! – задорно произнес я и прислушался.

Слух был настолько обострен, что мне показалось, я услышал шуршание трудолюбивых муравьев где-то наверху.

С людьми происходят невероятности, когда они переживают сильный стресс. Я прислушался к себе. Кроме головной боли, других вероятных невероятностей не ощутил.

Снова изучил окрашенную кровью ладонь, но в этот раз держал ее подальше от своего чувствительного носа.

- Ясно! У меня обострилось обоняние по причине... - начал я и призадумался. Интересно, в чем причина такого обострения? И хорошо это или плохо?

Я попытался сесть поудобнее, если в моем положении можно говорить об удобствах, и почувствовал неприятное ощущение в районе поясницы. Боль «перекочевала» ниже, оттянув часть от головы. Я провел чистой левой рукой за спиной, догадался, что мне в спину упирается очередная «змея» и сместился левее. Так было сидеть комфортнее.

- Я сижу в яме! – доложил я невидимому собеседнику, надеясь на подсказку и физическую помощь.

Ответом была тишина. Тишина, прерываемая легким шелестом листы на могучих деревьях, чья корневая система издевалась надо мной.

Надо встать на ноги! – пришла мне в голову весьма разумная мысль.

- Легко сказать! – с сочувствием к самому себе произнес я.

Конечности были ватными, будто я провел без движения, по крайней мере, месяц. Месяц...

Какое нынче время года? – назрел архиважный вопрос. Я снова поднял глаза вверх, внимательно изучил листву на деревьях и предположил, что на дворе лето. Это подтверждала и моя легкомысленная одежда, которая выглядела, мягко говоря, непрезентабельно: спортивные брюки светло-серого цвета были испачканы в земле, на зеленой футболке красовались бурые пятна. Сочетание запаха крови с запахом влажно-прелой земли привело к головокружению. Глубокая яма вместе со змеями завертелась

вокруг меня. Я закрыл глаза и попытался взять себя в руки. Но с закрытыми глазами яма вращалась еще сильнее, тогда я «прозрел», выпрямил спину, покрутил головой в разные стороны, словно пытался самостоятельно вправить смещенные шейные позвонки, скривился от боли в затылке, но упражнения делать не прекратил. В результате в глазах посветлело, звон в ушах затих, мне даже показалось, что кровь ускорила свой темп по сосудам, приведя в соответствие конечности и тело. Двумя руками я ухватился за вылезшие из земли корни деревьев и стал медленно подниматься на ноги. Когда я выпрямился во весь рост, меня потянуло назад, на мягкую землю, по причине плохой устойчивости. Но я сильнее ухватился за «руку помощи» величественных деревьев, обступивших яму со всех сторон. В данную минуту они наблюдали за моими действиями и подбадривали легким шевелением ветвей.

- Я смогу! – заверил я их и себя и визуально оценил соотношения глубины ямы и моего роста. При этом оторвал одну руку от корня и поднял ее вверх.

При всем желании я не мог достать до края.

Края ямы были слишком отвесными, чтобы карабкаться по ним вверх. Но «змеи» торчали повсюду, не только на самой глубине. Главное, чтобы у меня хватило сил.

Я сделал дыхательную гимнастику, стараясь не переусердствовать, чтобы избежать повторного головокружения, и превратился в альпиниста. Хватался за корни деревьев и перебирал ногами, нащупывая подходящие упоры, способные выдержать меня. При этом старался ни о чем не думать, мысленно повторял про себя, что моя жизнь в моих собственных руках. Пару раз я снова оказывался на дне ямы, но падения разжигали азарт и придавали мне сил.

На третий раз мне удалось долезть до края. Я поводит правой рукой по траве, нащупал крепкий сорняк, ухватился за него и стал выбираться из ловушки.

Когда мне это удалось, я распластался на земле и некоторое время лежал без движения. Сердце медленно возвращалось к привычному для него ритму. Вскоре я смог сесть и осмотреться. В поле зрения попала большая корзина, лежащая на боку на противоположной стороне ямы. Из корзины высыпались грибы и дорожкой пролегли почти до края моей ловушки. Возле кузовка из земли торчала петля – корень дерева выползал наружу и прятался в ней. Скорее всего, я не заметил ее, зацепился ногой, свалился в яму, ударился головой и потерял сознание.

Не выпуская из вида корзину, я доковылял до нее, обогнув яму на значительном расстоянии. Автоматически сгреб рассыпавшиеся грибы в корзину, развернулся и пошел. Но не сделал и нескольких шагов, как замер на месте.

- А куда мне идти? – громко поинтересовался я.

Ответа не было. Только кукушка отсчитывала годы чужой жизни, но не моей. Я человек несуетный. Будущее знать не хочу, чтобы не программировать себя. Прошлым я доволен, поэтому надеюсь...

- Подожди-ка, - заторможено прервал я свои философские рассуждения. Меня смутило упоминание прошлого, которое в данный момент находилось в черном сундуке, закрытом на замок. Ключа от сундука у меня не было. – Что же это получается? - разволновался я, - жил человек, жил... сколько-то лет, а потом обо всем... забыл? – последнее слово я произнес с содроганием.

Опустил глаза, словно искал под ногами ответы на многочисленные вопросы. Из-под замызганных спортивных штанов выглядывали грязные кроссовки некогда аналогичного со штанами цвета.

Я выставил вперед одну ногу, вытянув носок, и повертел ступней, обутой в кроссовок, туда-сюда.

- Я городской житель! – радостно заявил при этих манипуляциях. – Только городской житель отправится в лес за грибами в фирменных дорогих кроссовках... Но как я

добрался до леса? На автомобиле! – сразу заключил я. – Но где он? – спросил я слишком требовательно, будто вор угнал мою машину и сейчас затаился за стволом ближайшего дерева.

Сощутив глаза, я начал топтаться на одном месте, вращаясь по часовой стрелке. Вернувшись в исходное положение, понял: я в лесу один! По крайней мере, вблизи никто не бродит с корзиной в руках. Значит, я забрел в самую чащу! Вывод заставил меня поежиться. Теперь я чувствовал себя непрошеным гостем на чужой территории. Не ровен час, пожалует хозяин и грозно поинтересуется: Кто пил из моей чашки?... Тьфу, не так. Он спросит: Кто ты и что здесь делаешь? Первая часть вопроса останется без ответа, а на вторую я могу с уверенностью сказать, что собираю грибы и показать наполненный наполовину кузовок. Мысленно развивать диалог я не стал, чтобы не забивать голову ненужными фантазиями.

Сейчас я должен найти выход из затруднительного положения. В прямом смысле этого слова. Наличие тропинок не наблюдалось. С ориентированием на местности у меня были большие проблемы. Даже в старших классах школы, когда проводились туристические выезды на природу и классы соревновались между собой, меня в команду не брали, я оставался костровым. Одна девочка готовила еду, а я поддерживал огонь в костре.

Старые воспоминания меня порадовали: память медленно возвращалась. Для начала мне захотелось вспомнить свое имя. Я стал бормотать под нос мужские имена, и незаметно двинулся с места. Ноги сами выбрали направление, и я им не мешал, напротив, дал полную свободу действий.

- Сергей, Василий, Кузьма, Максим, - бубнил я, надеясь, что при нужном имени сердце екнет. – Александр, Евлампий, Сигизмунд. – Посмаковал последнее – оно мне нравилось кошачьей томностью.

Я представил себе фигуристую грудастую красотку, которая складывает пухлые губы в трубочку и протяжно тянет «Си-гиз-мунд». Я непроизвольно повторил ее движение устами и не почувствовал вдохновения. Следовательно, мне нравятся обычные женщины без выдающихся форм.

Моя мама была доброй улыбчивой толстушкой, - вдруг вспомнил я. – А почему была? – В груди заныло, словно в этом месте ударили кулаком.

- Значит, была, - печально вздохнул я и, не желая усугублять свое нерадостное положение, и переключился на женский образ, который мне должен нравиться. Мне показалось, что меня интересуют женщины немного моложе меня, не малолетние пигалицы. А сколько лет мне? Я повесил корзину на руку и осторожно коснулся лица – хотел на ощупь определить свой возраст. – На лбу продольные морщины. – Безэмоциональным голосом судебного медика произнес я, словно был на месте происшествия и описывал потерпевшего мужчину следователю, фиксирующему на бумаге мои выводы. – Под глазами мешки, щеки обыкновенные – не впалые и не выпирающие... На подбородке щетина... Жаль, нет зеркала, чтобы увидеть, есть ли в ней седина. На ощупь это не определишь. – Как мне не хотелось касаться своей пострадавшей при падении головы, я не удержался и дотронулся до висков. – Короткая стрижка... На макушке растительность присутствует... Ура, я не лысый! – Приложил ладонь к верхней части лба, как это делают, когда проверяют температуру, поелозил и заключил. – Залысин нет!

И тут мне в голову пришла гениальная по простоте мысль: нужно проверить карманы!

Я опустил корзину на землю, причем неспешно, чтобы не спугнуть удачу. А она непременно ускользнет, если я начну суетиться. Выпрямился, обозрел кроны деревьев, словно для этой цели остановился, махнул на себя несколько раз ладонью, как опахалом, повздыхал, как уставший путник, и перешел к изучению карманов спортивных брюк, которые были застегнуты на молнии.

- Я – человек аккуратный, - приговаривал я при этом, - недаром меня злит мой внешний вид.

Расстегнуть молнию полностью у меня не хватило ума, я слишком торопился, поэтому ладонь застряла. Левая легко проскочила и нервно проверяла карман, а правая дергалась, как объевшаяся мышь, не способная вернуться в нору. Я успокоился и понял причину – помехой было кольцо, насаженное на безымянный палец, которое необъяснимо попало между зубцами молнии.

- Нарочно не придумаешь, - пробурчал я, освобождая кольцо. Я повертел правую ладонь перед глазами и удивленно заметил, - так я женат!

Причем сказано это было таким возмущенно-упадническим тоном, как это говорит женщина, которую ты весь отпуск заверял, что свободен от брачных уз, а накануне расставания она случайно узнала горькую правду. Разница лишь в том, что местоимение «я» она меняет на «ты».

- Я женат! – попытался запомнить я, будто вокруг меня сновали девицы и норовили завлечь меня в свои сети. Сказал и вернулся к изучению правого кармана. Левый, как я успел убедиться, был пуст.

Кроме маленькой карамельки в правом кармане ничего не было. Я развернул обертку и машинально отправил конфету в рот. Погонял ее по рту, проверяя вкус, подхватил корзину и пошел дальше, возвращаясь к перечислению мужских имен.

- Евгений, Федор, Феодосий, Алексей, Игорь, Павел, Кирилл... Все не то! – недовольно скривился я. – Почти уверен, у меня должно быть редкое имя. Допустим, Платон... Нет, не Платон. Это имя какое-то жесткое и холодное. А я... человек творческий! – догадка внезапно вырвалась из меня. – Наверное, родители догадывались о моих неординарных способностях, потому что... сами были богемными людьми. Надеялись, что природа не станет отдыхать на их чаде, и нарекли... Как? – возник резонный вопрос.

Каждый шаг впечатывал в землю очередное уникальное имечко.

- Ярополк, Яромир, Наум, Гавриил, Моисей, Давид, Герман, Амвросий.

Неожиданно я споткнулся, зацепившись ногой за корягу, и шлепнулся на землю. Подниматься я не спешил. Со всеми удобствами устроился на земле, упершись спиной на ствол осины, скрестил ноги, побарабанил пальцами по подружке корзине и уверенно сказал.

- Амвросий.

И почти сразу рядом всплыла фамилия.

- Лебедкин! – еще более уверенно заключил я. Нахмурился и спросил. – А почему Лебедкин? Не совсем подходящая фамилия для художника. О! Я художник! Я пишу пейзажи! Недаром меня вдохновляет дикая природа, заключившая меня в кольцо.

Я нашел сухой обломок ветки и стал с вдохновением царапать ею влажную землю.

- Не шедевр, но тоже ничего! – выдал я, оценивая свой рисунок. – Не каждый сможет писать картины на земле, когда под рукой нет вспомогательных средств.

Объяснение меня успокоило, я бодро вскочил на ноги, подхватил корзину и двинулся в путь.

По дороге мои мысли укладывались на полке памяти в нужном порядке, как выглаженное белье рукой аккуратной хозяйки.

Когда я вышел на поляну, то не стал раздумывать, пересек ее по диагонали и двинулся дальше. Чем дальше я уходил от места падения, тем ускорялась моя ходьба, тем лучше я чувствовал себя, а вскоре, вообще, светился счастьем, как человек, которому удалось разорвать порочный круг, в котором он находился многие годы, как в тюрьме.

Лес начал редеть. Неожиданно я оказался на краю деревни. Неподалеку стояла группа людей и сверлила взглядом опушку леса. При моем появлении они сначала открыли от

неожиданности рты, потом от компании отделилась одна девица и медленно пошла ко мне, вытянув вперед руки и набирая обороты. Слезы текли по ее щекам, а я никак не мог понять, чем ее так впечатлил.

Девушка дошла до меня и упала мне на грудь. Это не так меня удивило, как ее слова.

- Папа! Наконец ты нашелся! Мы так переволновались!

Группа улыбающихся людей обступила нас и радостно запричитала.

- Николай, мы тебя всю ночь искали! А ты заблудился? У нас такое бывает!

- Ой, у Кольки голова разбита! – спохватилась одна шустрая бабенка и не придумала ничего лучше, как ткнуть пальцем в больное место.

- Женщина, осторожнее! Мне больно! – взвыл я.

- Женщина? – вскинула брови всевидящая и стала внимательно изучать мои глаза, будто те могли объяснить мое состояние.

- Разве Вы мужчина? – хмыкнул я, прикрывая ладонью рану.

- Юморист! – сказал мужик в стареньких джинсах, черной майке-алкоголичке и сандалиях на босу ногу. Вихры на его голове стояли дыбом, наверное, по причине переживаний за меня. – Он с детства любил розыгрыши, - пояснил он, обращаясь к окружающим.

Окружающие в это время присоединились к всевидящей, вытянули шеи и начали визуально «разбирать меня по косточкам». Быть центром внимания мне нравилось. Я гордо вскинул подбородок, оттеснив от себя девицу, назвавшую меня отцом. При этом мелькнула мысль-ракета о моем преклонном возрасте.

Наверное, посетители музея с таким же благоговением рассматривают мои картины. Сейчас раздадутся оды в мою честь.

Но од не последовало. Вмешалась еще одна женщина, которая неслась по улице с криками: «Коленька! Родной!»

Она ледоходом врезалась в молчаливо-изучающую группу и повисла у меня на шее. Я еще выше вздернул подбородок, чтобы незнакомка не дотянулась до моих губ. Желание явно читалось по ее лицевой мимике.

Девица, которая назвала меня отцом, наклонилась к ней и громким шепотом прервала завывания одной фразой.

- Он какой-то странный.

- Странный? – дернулась липучка и, наконец, оторвалась от меня. Но кисти рук оставила на моих плечах.

- Лиза, он ранен, - подсказал ей всевидящая, ставшая еще всезнающей.

Упомянутая Лиза не нашла ничего лучше, как поднять до шеи футболку и внимательно изучить каждый миллиметр моей волосатой груди. При этом она щекотно провела по ней ладонью, вызвав у меня идиотский смехок.

- Он еще смеется! – возмутилась она, перехватывая взгляд всезнающей, которая кивком указала место ранения.

- Пап, перестань, придуриваться, - всхлипнула девица в сарафанчике. У нее были длинные русые волосы, перехваченные резинкой в конский хвост.

- Как ты с отцом разговариваешь? – цыкнула на нее женщина по имени Лиза.

- А чего он делает вид, что никого не помнит?

- Как не помнит? – с угрозой в голосе поинтересовалась Елизавета. На вид ей было лет сорок с малюсеньким хвостиком. На ней отлично сидел джинсовый комбинезончик, позволяющий оценить отсутствие жировых отложений.

- Не помнит! – встряла всезнающая. – Меня назвал... - она понизила голос, - женщиной.

- А как мне к Вам еще обращаться? – хмыкнул я. - А то, что я ничего не помню, то это заблуждение. Я отлично помню: меня зовут Амвросий Лебедкин, я художник.

- Че? – простонародно спросил мужик в поношенной джинсе. На лицах его приятелей, одетых проще – в выгоревшие брюки и клетчатые рубахи с некоторым отсутствием

пуговиц, отразилось недоумение. Стойкий перегар не дал мне собраться с мыслями. – Колян, ты сейчас правду говоришь или шутишь? – озабоченно поинтересовался он, обращаясь за поддержкой к товарищам.

- Он целую ночь провел в лесу, - нашелся один из них, - получил стресс. Надо его до дома проводить, оказать медицинскую помощь, накормить и...

- Спать уложить! – подсказал я.

- Молодец! – похвалил он и хлопнул меня по плечу. От удара я едва не свалился на землю

- Василич, ты совсем ополоумел! Не видишь, брат... приболел, с ним надо ласково, – всезнающая ухватила меня за локоть двумя руками и прильнула к плечу.

- У Вас брат заболел? – деловым тоном спросил я, чувствую тягу к сочувствию.

- Ага, - кивнула она, немного отстраняясь и переглядываясь с Лизой.

Лиза по эстафете направила взгляд мужику в поношенной джинсе.

- Колян, братишка, пойдем домой! – мягко призвал он, подхватывая меня под другую руку.

Я непроизвольно оглянулся назад, выискивая взглядом его брата Колю.

Кроме девицы в сарафане там никого не было. Остальные зрители предпочитали любоваться мной спереди, а не с тыла, где зияла засохшая рана.

- Лена, - представилась ошалевшая девушка и кивнула.

По всей видимости, она поняла, что обозналась и решила сгладить неловкость запоздалым этикетом.

- Амвросий, - назвал я и добавил, - Лебедкин. Известный художник.

И вернулся к группе обеспокоенных и притихших джинсово-клетчатых товарищей.

- Коля, ты это... Ты не Амвросий, - начал Василич, которого все считали самым сообразительным. Он выжидающе смотрел на меня, будто ждал опрометчивых заявлений. На все мои заявления, судя по его выражению лица и закрученным верх усам, у него была заготовлена ответная тирада, способная перерасти в физическое убеждение.

Я не хотел вступать в полемику, поэтому лишь мотнул головой, что могло расценивать по-разному: как знак согласия, так и знак возмущения чужим заблуждением.

- Куда мне идти? - гордо спросил я.

- Прошу! – сказал Василич, повернувшись ко мне боком и указав дорогу рукой, как это делают регулировщики движения, только у них в руках находится палочка, названная жезлом.

Я решительно двинулся в указанном направлении, освободившись от цепких рук мужика в джинсе и всезнающей бабенки, у которой занемог брат.

Я шел по деревенской улице и с интересом рассматривал бревенчатые дома-близнецы. В огородах возились пожилые женщины, они отрывались от своей работы, едва наша процессия равнялась с ними. Каждая из них повторяла одно и то же.

- Коля Булкин нашелся. Слава тебе Господи!

Когда мы поравнялись с предпоследним по улице домом, мужик ухватил меня сзади за футболку. Я остановился и вопросительно посмотрел на него.

- Нам сюда, - кивнул он, указав на очередной терем.

Основным его отличием от остальных было наличие припаркованного у забора автомобиля.

Я распахнул калитку и уверенно двинулся по дорожке к дому. Дверь распахнулась, на пороге появилась румяная пышечка размером полтора метра на полтора в цветастом фартуке. Она хотела повторить маневр всех женщин, но мужик загородил меня собой.

- Варвара, не тронь Кольку! Ему надо отдохнуть.

- Конечно, конечно, - запричитала толстушка и распахнула передо мной дверь.

Я поднялся по ступенькам и вошел в длинные сени, где стоял старенький сундук. С правой стороны была дверь в комнату. Я проследовал туда. В глаза бросилась выбеленная

печь, на которой лежал старый тулуп. Я устало опустился на скамью у печи. Остальное я помню смутно. Мне обрабатывали рану, перевязывали голову, давали горячий чай с привкусом липы, а дальше был провал.

Когда я открыл глаза, было тихо и темно. Лишь издали доносился приглушенный храп. Я приложил руку к голове и понял, что она туго забинтована. Излишне туго, отчего к боли в затылке прибавилась кольцевая боль.

Нашулав узел, я с трудом его развязал, сообразил, что надо сесть, а затем стал разматывать бинт. Марлевую нащепку я решил оставить и, придерживая ее руками, вернулся в лежачее положение. Боль стала медленно отступать.

Я повернулся к темному окну, рядом с которым стояла моя кровать, и заметил на подоконнике кружку. Схватил ее, осушил до дна и почувствовал себя совершенно счастливым человеком.

К тишине и храпу примешивалось равномерное тиканье часов, их однообразный «монолог» убаюкивал меня. Я не заметил, как уснул...

Разбудил меня непонятный звук. Я прислушался. Мне показалось, что скребется мышь, но потом понял – это чьи-то шаги. Кто-то шаркает по полу. Мне снился такой чудный сон, что я не хотел открывать глаза, надеясь на продолжение, но шарканье мешало мне вновь провалиться в забытие.

Почему-то я решил притвориться спящим. Но узнать, кто бродит по дому, пересилило. Я нашел компромисс: чуть-чуть приоткрыл глаза и стал наблюдать из-под ресниц за происходящим в доме.

Я лежал в большой комнате. Как уже упоминал, кровать стояла у окна. В комнате было еще два окна, между которыми стоял старинный комод, застеленный вышитой скатертью. На комодe стояла ваза с искусственными цветами, какие-то безвкусные статуэтки и фотография пожилой женщины.

В мою раненую голову ударила молния и я... вспомнил.

С фотографии на меня смотрела моя мать. Самая лучшая и самая добрая женщина на всем свете. Недавно мы приехали погостить в деревню Лисянка и помянуть мать, которой нет с нами уже два года. Она вырастила троих детей без мужа. Наш отец умер, когда дочери Клавдии, самой младшей, исполнился год. Мне в ту пору было пять, а брату Ивану – семь.

Прошлое завертелось в голове. Кадры жизни стремительно сменяли друг друга.

Из воспоминаний я сделал один неутешительный для меня вывод – я одинок и нелюбим. Нет, у меня есть семья – жена Лиза и дочь Лена, студентка. Но обоим я глубоко безразличен. Их не интересуют мои проблемы, мое здоровье, мои желания. Я нужен не как отец и муж, а как банкомат, способный выдать денежные средства по первому требованию. Их теперешний испуг понятен: если бы со мной что-то случилось, поток безвозмездных ссуд иссяк, и моим дамам пришлось бы туго.

Сколько раз я убеждал Лизу сменить тактику воспитания дочери, но она лишь отмахивалась.

- Наша девочка – самая красивая в классе! – с гордостью говорила супруга, словно это качество было основным.

Я не утверждаю, что моя дочь – тупица, она неглупа, может поддержать беседу, но ее знания поверхностны. Она уверена, что главное предназначение женщины – удачно выйти замуж. Обязательно за богатого мужчину, чувства не имеют значения.

На горизонте уже маячила подходящая кандидатура – мой заместитель Кирилл Мановцев, у которого свои корыстные интересы, и любовью здесь так же не пахнет.

Забыл сказать, я занимаю должность главного инженера предприятия по производству колбасных оболочек, упаковок, этикеток. Заказы на продукцию растут бешеными

темпами, поэтому мое материальное состояние позволяет вести безбедную жизнь, отдыхать на лучших курортах, ездить на хороших автомобилях, платить за образование дочери в престижном ВУЗе и откладывать кое-что на «черный» день. Но непривыкшие к экономии женщины, протрынькают все быстро и останутся ни с чем. Кирилл Мановцев тут же исчезнет – бесприданница ему не нужна. Это в случае моей кончины.

Признаться честно, в свои сорок пять я чувствую себя превосходно. И никогда не задумывался о том, как будут жить без меня Лиза и Лена.

Я считал себя вечным, успешным, счастливым и способным прокормить семью.

Но настал момент осознания.

Увы, я не вечен, успех мимолетен, счастье обманчиво, способности разного рода исчезают по причине физических недугов.

Пессимизм? Наверное... Но лучше вовремя открыть глаза и разобраться в жизни, чем плыть по течению на шатком плоту, который в любую минуту может развалиться, и ты окажешься на дне.

Появился повод кардинально изменить себя и свое окружение. Не в том смысле, что уйти из семьи и начать с нуля, а остаться в том же окружении, но попытаться встряхнуть это окружение и навесить на них проблемы, которые ранее громоздились на моих плечах и не позволяли уделять должного внимания жене и дочери.

Запоздалый метод перевоспитания родился в моей голове быстро.

Иногда люди лечат себя с помощью самообмана. Ложь самому себе позволяет возомнить себя тем, кем ты всю жизнь мечтал стать, вычеркнуть из памяти неприятные моменты, вылечить свою душевную постоянно кровоточащую рану. Не знаю, какие последствия несет за собой самообман, я лично рассматриваю его, как защитную реакцию уставшего организма.

Да, я устал. Физически и эмоционально. Устал доказывать жене, что ее образ жизни и образ жизни дочери меня не устраивают. Жаль, что раньше дальше пустой говорильни я не шел. Я не ханжа, не скряга, просто хочу, чтобы у моих близких людей была цель, к которой они будут идти самостоятельно. Или при моей временной поддержке. Хочу, чтобы дочь не была пустоголовой куклой с однообразными эмоциями. Хочу, чтобы жена не болтала о тряпках, не сплетничала о приятельницах, а занималась серьезным делом. Она забыла, что окончила педагогический институт, ее диплом пылится в ящике, боюсь, такая же участь ждет корочку о высшем образовании моей дочери. Хочу, чтобы мать гордилась дочерью, а дочь гордилась матерью. И на это была веская причина, а не природная красота или умение следить за собой.

Интересно, момент перевоспитания упущен или у меня есть шанс?

Можно попробовать. Но для этого я обязан заняться самообманом и... заболеть притворной амнезией. Опыт, пусть небольшой у меня есть. Я понял, как трудно существовать, когда не помнишь своего прошлого.

Итак, я обманываю себя и внушаю, что я гениальный художник, который взял тайм-аут перед тем как приступить к новому шедевру. Все материальные сбережения где-то есть, но где? Я НИЧЕГО не помню! На работу ходить не могу, потому что... художник не может быть главным инженером. Тем более у меня грядет отпуск. Целых два месяца. Мой друг Олег Порташников, он же генеральный директор предприятия, смилостивился и разрешил отгулять отпуск за два года. В прошлом году он перенес серьезную операцию, и я отдувался за него и за себя, отправив своих девочек на курорт.

В душе заскреблось сомнение в правильности моего поведения. Конечно, я сам во многом виноват, и занятость - не причина для оправдания.

Но никогда не поздно вернуть все назад, поставить с головы на ноги. При условии, что люди не ушли в мир иной. Как моя мать...

Она никогда не жаловалась на здоровье. Шла по комнате, упала и умерла. А я ничем не мог ей помочь.

Брат Иван и его жена Варвара живут в нашем родном доме и наотрез отказываются переезжать в город, как я их ни уговаривал.

- У тебя своих проблем хватает, а тут еще мы свалимся на голову. - говорит Ваня – простой сельский труженик в восемь классов образования, который раньше меня разобрался в хитросплетениях моей жизни.

Сестра Клава живет в райцентре. У нее есть сын, которого она назвала в мою честь. Колька служит в Армии, скоро должен вернуться. С мужем сестра давно развелась. Когда мы встретились, она намекнула, что познакомилась с «положительным» мужчиной, но посчитала преждевременным вводить его в нашу семью.

Мой брат и моя сестра гораздо прозорливее меня. Наверное, я болен самообманом уже давно. Закрыв глаза на многие вещи, внушил себе, что у меня все хорошо и живу с этим.

Так что опыт в этом у меня тоже есть.

Ну, что ж приступим к перевоспитанию моих девочек с помощью самообмана и притворной амнезии. Надеюсь управиться за два месяца. Только надо не забыть переговорить с Олегом, пусть прикроет. И предупредить знакомых, чтобы не давали займы. Иначе возврата им не дожждаться...

Я широко открыл глаза и сладко зевнул. Нахмуренно изучил беленый потолок и повернул голову, чтобы разобраться, откуда идет шаркающий звук.

Двери в соседнюю комнату не было, как не было на остальных межкомнатных проемах. В наличии была входная дверь, но и та никогда не закрывалась на замок. Шаги приближались, я стал напряженно ждать. Мимо моей комнаты прошагал внук Ивана – трехлетний Костик, сын его дочери Милы, которая с мужем живет в том же райцентре, что и Клава. На ногах малыша я увидел свои кроссовки, совершенно чистые и радующие глаз привычной перламутровой серостью. Благодарить за заботу надо Варвару, мою невестку. Лиза на такой подвиг не способна – в здешнем хозяйстве отродясь не было стиральной машинки, а портить маникюр она не будет. Дочь Елена, вообще, оставляет грязные вещи где попало, не доносит их до специальной корзины в ванной. Мои замечания повисают в воздухе или их парирует основная защитница – мать, которая тут же начинает убежденно доказывать, что на век дочери работы хватить. Пробриться сквозь стену я так и не смог за все годы. Как не мог представить себе Ленку, сгорбившуюся над корытом, в окружении орущих детей.

Костик брел мимо дверного прохода и бросал на меня лукавые взгляды. Заметив мое прозрение, он издал воинственный клич и бросился на улицу, где по обычаю завтракала вся семья в теплое время года. И сразу комната заполнилась родственниками, которые с осторожными улыбками обступили полукругом мою кровать.

Лиза на правах жены присела рядом и провела ледяной ухоженной рукой по моей щеке.

- Как ты себя чувствуешь, Коленка? - спросила она наигранно-волнительным тоном.

- Вы кто? – скривился я и убрал ее руку, брезгливо дотронувшись двумя пальцами.

- Как кто? – переспросила супруга. Теперь в ее голосе прорывались истерические нотки. – Я Елизавета Булкина, твоя жена. – На этом она не успокоилась и перешла к представлению всех родственников. Начала с дочери, перешла на брата, сестру, невестку, племянницу, ее мужа и сына, который так и не снял моих кроссовок.

- Джинсы у Вас дорогие, но изрядно поношенные, - невпопад заметил я, обращаясь к Ваньке, когда представления были завершены.

- Что? – не поняла Лиза.

- А-а-а, эти, - расцвел брат и растянул пальцами джинсы в стороны, как это делали раньше, когда демонстрировали ширину галифе. – Это с твоего барского плеча.

- Извините, - сконфуженно произнес я.

- За что?
- За подаренные обноски. Надо Вам новые подарить, а не сбрасывать старье.
- Почему старье? – вмешалась Варя, - вполне приличные брюки. В деревне ни у кого таких нет.
- Перестаньте! – возмутилась Лиза. – Речь идет о здоровье моего мужа, а Вы о каких-то джинсах!
- А что случилось с Вашим мужем? – заинтересовался я.
- Мой муж ударился головой и потерял память! - взвилась она, словно он это проделал по собственной инициативе.
- Как мы вернемся домой? – поинтересовалась практичная дочь и напомнила, - нам через два дня надо путевки выкупать.
- Выкупим! – успокоила ее мать и выразительно посмотрела на меня.
- Вы намекаете на то, что я должен довести Вас до дома и дать денег на путевки? – «догадался» я.

Мне ответом было тягостное молчание, которое прервала до сих пор молчавшая Клавдия.

- Лиза, да что с тобой?! Коля болен, а вы с Ленкой о каких-то путевках.
- Тетя Клава, не лезьте туда, куда Вас не просят! – поспешила вмешаться дочь.
- Тебя забыла спросить! – рявкнула на нее бойкая сестра. Еще в детстве она не давала спуску не только сверстникам, но ребятам постарше.

Елена развернулась на сто восемьдесят градусов и удалилась из комнаты, гордо вскинув подбородок.

- Клавочка, зачем ты так? – пожурила ее добродушная Варвара, походившая характером на нашу матушку.

Сестра взяла стул, придвинула его к кровати, села и посмотрела на меня искренне любовным взглядом, который и близко не напоминал взгляд жены.

- Скажите, что у тебя... у Вас болит? - поинтересовалась она, не решившись назвать меня по имени, чтобы я не начал вертеть головой в поисках засекреченного Николая Булкина.
- Я чувствую себя вполне сносно. – неуверенно произнес я.
- Вчера вечером приходил местный фельдшер, но ничего путного не сказал. Говорит, подозрение на сотрясение мозга.
- При сотрясении мозга человек все и всех помнит, - простонала Елизавета и заметалась по комнате.

Сейчас она начнет стенать и жаловаться на судьбу, - подумал я.

- Ну, почему все так не вовремя?! – взвыла Лизка, - за какие грехи мне послано это испытание?!

По-видимому, мои родственники знали, за какие грехи и недовольно поджали губы.

- Лиза! Выйди отсюда! – внушительным тоном произнес мой брат. Я впервые слышу от него резкие высказывания. Наверное, моя болезнь его не на шутку тревожила.

Я не был бессердечным, и когда входная дверь громко хлопнула, обвел присутствующих оценивающим взглядом, сделал выводы и сказал.

- Ванька, а ты молоток!

Брат вскинул вверх брови и превратился в удивленного мима. Потом приблизился к кровати, на которой я возлежал, пригнулся и внимательно изучил мое улыбающееся лицо.

- Я же говорил, он любит розыгрыши! – весело заключил он, оборачиваясь к плохо соображающим родственникам.

- Колька, я... я тебя сейчас в угол поставлю! – со слезами на глазах сказала Клава, опомнившаяся первой. Так всегда говорила наша мать, но никогда нас не наказывала.

Сестра не выдержала, прильнула к моей груди и завывала.

- Ну, чего ты, глупышка, расстроилась! – ласково произнес я, поглаживая ее по голове. – Я, действительно, ничего не помнил, а сегодня проснулся, увидел мамин портрет и все вспомнил.

- А зачем «ломал комедию»? – спросил брат.

- Хочу заняться перевоспитанием Лизы и Лены, - доверительным шепотом сообщил я, покосившись на входную дверь, за которой еще недавно скрылись жена и дочь.

- Давно пора! – поддержала меня сестра, вытирая слезы. – А то сели тебе на голову и ножки свесили. Ладно бы, была благодарность, а то одно неуважение.

- Дядя Коля, - вступила в разговор племянница Мила, - оставайтесь в деревне, мама Вас мигом на ноги поставит. Будете гулять по лесу, дышать свежим воздухом, а эти, - она кивнула головой в сторону входной двери, - пусть живут, как хотят.

- Дорогая моя Милочка, есть один нюанс – я люблю свою жену и дочь, поэтому не могу выбросить их из своей жизни. Но смотреть на их прозябание я больше не могу. Представил, что с ними может случиться, если... меня не станет, и испугался.

- Они сами виноваты! – резко бросила Клава. В ней всегда уживались резкость суждений, сочувствие и жажда справедливости.

- Не только. Здесь есть и моя вина.

- Добрый ты, Коленька, - вздохнула Варя. – Все вы Булкины добрые. Это у вас от матери, Марьи Филипповны. Царство ей небесное!

Все автоматически повернули головы в сторону фотографии, с которой на нас смотрела наша матушка. Она одобрила мое поведение.

- Дайте слово, что никому не раскроете мою тайну раньше времени.

- Никому! – нестройно заверили меня родственники.

- Но как Вы доберетесь до дома? – спросила Клава.

- Лиза или Лена сядут за руль. У обеих есть собственные автомобили и опыт вождения.

- И ты им это позволишь? – удивился Иван, который знал мой принцип: жену и машину не доверю никому.

- У меня нет выхода, - сказал я, усаживаясь на кровати. Голова сначала закружилась, но вскоре пришла в норму. – Надо ехать. В моем распоряжении всего два месяца.

- Коль, ты не боишься, что за это время Лизка найдет тебе замену? – поинтересовалась прямолинейная сестра.

- Признаться честно, мне такая мысль в голову приходила, но я ее отмел... Надеюсь, она все еще любит меня, сжалится и не бросит в беде больного мужа.

- Но жалость и любовь – разные понятия, - задумчиво сказала Клавдия.

- Вот заодно и проверим, - уверенно заявил я.

- Заодно и проверишь, - едва слышно повторил за мной Иван...

После обеда мы покинули деревню Лисянка. Жена сидела за рулем, рядом с ней пристроилась Лена, я полулежал на заднем сидении и изображал дрему.

– И что нам теперь делать? – шепотом спросила дочь, убедившись, что я сплю.

- Поведем отца к хорошему специалисту, - после недолгих раздумий высказалась жена.

- А как же наш отдых?

- Сейчас главное – поставить на ноги Колю, иначе у тебя никогда не будет ни отдыха, ни обновок, ни учебы, за которую через два месяца надо вносить плату.

Ага, они волнуются в первую очередь за себя, я на втором плане, - подумал я без огорчения...

Через четыре часа мы подъехали к нашему шестнадцатиэтажному дому.

Ночь я провел в кабинете на неудобном диване, потому что не мог спать в одной постели с незнакомой женщиной.

Утром меня разбудил голос Лизы, которая, как я успел догадаться, по телефону «плачется в жилетку» Олегу Порташникову. Я ее опередил - вчера улучил момент и созвонился с ним. На друга я могу надеяться, как на самого себя.

Когда телефонные переговоры были закончены, я услышал, как жена говорит дочери.

- Перед отпуском твой отец получил хорошие отпускные.

Эту информацию я разрешил другу выдать, чтобы появившаяся у девочек надежда разом угасла и дала повод задуматься о будущем.

- И где они? – напряженно поинтересовалась Лена.

- Я так же знаю, как и ты.

- Ты говоришь таким тоном, словно мы на грани нищеты.

- А ты забыла, милая моя, что всю имеющуюся наличность мы потратили на новые наряды к отпуску, - напомнила мать. – Коля никогда не ограничивал нас в средствах, когда у меня заканчивались деньги, я... даже не просила, бросала на ходу: Мне нужны деньги! И легко получала нужную сумму.

- Зайди к нему в кабинет и... брось на ходу проверенную фразу! – посоветовала дочь. – Вдруг знакомая среда, привычное обращение возымеют действие.

- Думаешь, стоит попробовать? – задумалась Елизавета.

- Иди и пробуй! А я пока позвоню Кириллу.

А теперь мы посмотрим, как на новость о моей амнезии отреагирует доселе влюбленный женишок. - подумал я, не стал притворяться спящим и встретил жену удивленным взглядом, за которым последовал резонный вопрос.

- Женщина, почему Вы до сих пор находитесь в моей квартире?! Я Вам очень благодарен за то, что помогли мне добраться до дома, но... надо и честь знать. Если у Вас нет собственного жилья, это не значит, что можно поселиться в квартире незнакомого мужчины, причем холостяка. Может быть, у меня есть невеста, которая придет меня проведать и застанет Вас здесь.

- Какая еще невеста? – обалдела от откровений Елизавета Булкина. – У тебя не может быть невесты, ты женат на мне уже двадцать два года! У нас есть дочь Елена, она собирается замуж за твоего заместителя и через год оканчивает институт! - убедительно отрапортовала она.

- А что вначале? Замужество или диплом? – спросил я без намека на интерес. Так спрашивают у прохожего: «Который час?» в том случае, если ты никуда не спешишь. Вопрос для проформы, как повод перебраться парой фраз, устав от долгого молчания. Не будешь же ты идти по улице и разговаривать сам с собой!

- Это им решать, - ответила жена, выдержав паузу.

- И что же получается?! Вы будете ЗДЕСЬ жить целый год, а потом приведете сюда еще одного человека?

- Почему сюда? – передернула плечами Лиза и выпятила красиво очерченные губы. – У Кирилла есть своя квартира. Правда, небольшая, но ты обещал сделать им свадебный подарок... - намекнула она, выразительно взглянув на меня своими необыкновенными глазами.

Сначала я влюбился в эти глаза, а потом в худышку Лизку, студентку пединститута. И случилось это почти четверть века назад.

Как мы были счастливы!

Пока не разбогатели...

- С какой стати я должен улучшать жилищные условия вашей дочери и ее будущему мужу?! – возмутился я.

- Нашей дочери, - поправила меня женщина и вытащила из кармана свидетельство о рождении, раскрыв его перед моим носом. – Читай!

Я пробубнил написанные каллиграфическим почерком данные.

- И что дальше?
- А теперь полюбуйся на фотографию в этом документе и прочти, кому она принадлежит? – посоветовала мне она, протягивая паспорт.
- Она принадлежит гражданину Булкину Николаю Ивановичу, тысяча...
- Дальше не надо! – прервала меня Лиза и потянула меня к шкафу, стоящему в прихожей. Ткнула пальцем в зеркало и с едва скрываемым восторгом произнесла. – Полюбуйся на себя!
- Да, выгляжу я неважно, - посетовал я, провел ладонью по щетине, показал себе язык, попытался рассмотреть то место, где была заклеенная рана, пожалел, что на затылке нет глаз. Сначала пожалел, а потом порадовался – иначе я лишился бы одного. Или сразу двух.
- Повернулся к торжествующей женщине и изрек.
- Если Вы намекаете на кое-какое сходство с мужчиной в паспорте, то ошибаетесь. Мы совершенно разные.
- Как... это... разные? – заикаясь, спросила Елизавета. – Коля! Это твой паспорт! – попыталась она внушить мне.
- Женщина, не вводите меня в заблуждение и отдайте мне мой настоящий паспорт! Я – Амвросий Лебедин!
- А отчество? – хитро спросила женщина, будто кодовое слово могло разоблачить меня.
- Амвросий Егорович Лебедин, - нашелся я, мысленно соединяя в одно целое имя «отца»
- Егор Лебедин. Просто и со вкусом.
- Лиза растерялась, собралась с мыслями и елевым голосом сказала, обращаясь ко мне на «Вы».
- Николай... Амвросий, Вам надо пойти со мной...
- Куда это? – испуганно поинтересовался я, не дослушав до конца.
- К одному талантливому психотерапевту. Ваш друг... Друг моего мужа обещал посодействовать. Не забывайте – с ушибами головного мозга... то есть головы... Когда сотрясение... шутить нельзя, – сбивчиво произнесла женщина, напоминая малограмотную особу, не способную правильно выстроить предложение. Вероятно, мои убедительные высказывания «выбили почву из-под ног».
- Наверное, этот психотерапевт берет за прием бешеные деньги, а я в последнее время поиздержался. - печально вздохнул я, коснувшись ладонью больного затылка.
- Куда ты дел отпускные? И где твоя банковская карта? – пошла напролом грозная дама.
- Я скривился, недовольно покосился на нее и капризным голосом изрек.
- Художники не получают отпускных, а банковская карта... где-то была, но на ней всего рублей пятьдесят, не больше. Я пожертвовал все деньги детскому дому, в котором вырос.
- К...какому детскому дому? Ты вырос в деревне Лисянка. Мы вчера оттуда вернулись.
- Не надо уверять меня в том, чего на самом деле не было! – возмутился я, вернулся в кабинет, лег на диван спиной к жене, которая неотступно следовала за мной.
- Она постояла некоторое время в нерешительности, потом приблизилась ко мне, осторожно коснулась плеча и мягко спросила.
- Амвросий, Вы согласны пойти на прием к психотерапевту? Деньги на оплату его услуг я найду, - подумала и сказала, - займу у Олега.
- Конечно, у Олега, у кого же еще, - мысленно фыркнул я. – Теперь ты, милочка моя, выпала из круга богатеньких дамочек, ненадежные нити дружбы легко порвались.
- А это еще кто? – задал я встречный вопрос, не поворачиваясь в ее сторону.
- Это... один хороший знакомый!
- Ваш? – подобрался я, будто подозревал женщину в любовной связи с упомянутым Олегом.

- И мой, и... моего мужа.
- Насколько я помню, Ваш муж серьезно болен, вот и занимайтесь им, а меня оставьте в покое!
- Моему мужу уже не помочь, - неожиданно нашлась Елизавета.
- Все так плохо? – спросил я, возвращаясь в сидячее положение.
- Увы, - развела она руками.
- Но почему Вы решили, что мне нужна помощь психотерапевта?
Лиза замешкалась, а потом выдала.
- У Вас сотрясение мозга, это может сказаться на Вашей творческой деятельности. Нельзя лишать поклонников Вашего творчества желания любоваться гениальными полотнами... Кстати, я не вижу здесь ни одной Вашей работы?
Я рад, что моя жена находчива, - подумал я и мысленно добавил, - и не поглупела с годами, как я считал раньше.
- Я все продал, а деньги передал...
- Детскому дому, я помню, - перебила она. – Но Вы не могли остаться без копейки?!
- Мне ничего не надо, у меня все есть, - заверил я ее.
- Но человек должен во что-то одеваться, чем-то питаться!
- Одежды у меня полно, а еда... Не хлебом единым сыт человек. Скоро я созрею для новой работы и...
- Созревайте! – призвала меня излишне нервно дама. – И где ваши кисти, и эти... как их... мольберты? – нервно поинтересовалась супруга.
- В мастерской! На дому я не пишу.
- А где мастерская?
- Вам мало того, что Вы пробрались в мой дом, так Вы еще хотите проникнуть в святая святых?! – возмутился я и закатил от возмущения глаза.
- Я хотела посмотреть, как создаются шедевры, - начала оправдываться она.
- Я показываю людям только законченные труды. – парировал я.
- А портреты Вы не пишете? – продолжала допрашивать Лиза.
- Нет, только пейзажи! – вспомнил я свое заблуждение, когда блуждал по лесу. – И не всем они понятны, у меня свое видение окружающего мира, далекое от реальности, – пространно пояснил я.
- Странно, странно, - задумчиво пробубнила Лиза, - абстракционистские пейзажи это что-то новенькое.- Пристально посмотрела на меня, стараясь прочесть мои мысли и сказала. - Никогда не слышала, что в нашем городе живет известный художник. Надо спросить у знающих людей.
- Вам никто ничего не расскажет!
- Почему?
- Я больше известен за границей.
- Но есть интернет...
- В кабинет ворвалась Лена.
- Мам, какая тебе нужна информация?
Ясно – она стояла под дверью и подслушивала.
- Хочу увидеть работы художника Амвросия Егорович Лебединкина.... Что-то я сомневаюсь, что такой художник существует... - Елизавета повернулась к дочери и взволнованно спросила. – Леночка, почему у тебя такое расстроенное лицо?
- Наверное, я зря все рассказала Кириллу. Он странно себя повел. Выслушал меня, а потом сказал, что очень занят и перезвонит мне позже... Ни слова сочувствия. – Дочь закусилла нижнюю губу и стала нервно накручивать на палец волосы, привычно стянутые в конский хвост.

- Что в этом странного? Человек находится на работе, не забывай, что он замещает твоего отца. – попыталась успокоить Лену мать, но ее лицо выражало возмущение и недовольство.

- Раньше Мановцев никогда не разговаривал со мной таким тоном! – обиженно заявила девушка.

Ясно, парень уже готовит пути отхода, - подумал я...

Вскоре позвонил Олег и назвал имя и адрес психотерапевта, к которому мы можем обратиться.

Я был уверен, что психотерапевт не станет погружать меня в транс и возвращать «потерянную» память. Мой надежный друг успел с ним договориться.

Лена решила не ехать с нами, чем я был крайне «недоволен»: оставлять дом на чужого человека это не в моих правилах, о чем не преминул сообщить в достаточно резкой форме. Дочь хотела достойно ответить и уже сложила калачиком руки на груди, но мать незаметно дернула ее на рукав шелкового халатика, и обратилась ко мне.

- Амвросий Егорович, надеюсь, Вы не будете против, если моя дочь все же останется и поищет о Вас сведения в интернете.

- Пожалуйста, - милостиво разрешил я без боязни. В любом случае я найду выход их щекотливого положения.

И мы отправились к психотерапевту со смешной фамилией Придуравчиков. И еще более смешным именем Лео. Лео Придуравчиков это еще похлеще Сигизмунда Иванова.

У психотерапевта был частный кабинет в многоэтажном здании городской поликлиники.

Лео оставил Лизу за порогом, и долгий час мы беседовали о жизни, о погоде, пили кофе с коньяком и договаривались о диагнозе.

- Травматическая амнезия в сочетании с органической амнезией, - трагическим голосом заключил Придуравчиков, пригласив в кабинет Елизавету. – Первая амнезия связана с травмой головы, вторая – следствие хронической усталости и депрессивного состояния, толчком к которому послужили сложные отношения в семье.

Я хотел сказать, что у меня нет семьи, желая следовать намеченным курсом, но меня опередила супруга.

- В нашей семье царит мир и покой.

- И безразличие, - печально добавил Лео. – Безразличие - хуже ненависти.

- Но... надежда на выздоровление есть?

- Для начала Вы должны окружить... Амвросия Егоровича искренней любовью и заботой. Люди в таком положении остро чувствуют фальшь. Если Вы не способны, то лучше не начинать, чтобы не усугублять болезнь.

- Я способна! – уверенно сказала жена. – А лекарства?

- Я выписал ему пентотан, - он протянул рецепт. - При подобных травмах память будет возвращаться постепенно. Однако, тяжелые потрясения ведут к стойкой ее потере. Все в Ваших руках. Главное – забота, внимание, хорошее питание и не забывайте реагировать на любой его каприз.

Отличные рекомендации, - подумал я, искусно скрывая ликование...

Уже по дороге домой, Елизавета позвонила Олегу и попросила займы. Находчивый друг ответил, что сегодня утром приобрел загородный дом, совсем даром и назвал сумму, от которой у моей супруги волосы встали дыбом и закрутились в надежный жгут. Напоследок Порташников посетовал:

- Сам остался без копейки.

Лиза быстро сориентировалась и обзвонила подруг. Те посочувствовали, но денег не дали. Тогда дочь, по просьбе матери, обратилась к Мановцеву. Тот выслушал и сказал, что все деньги ушли на путевку в санаторий для матери.

Я отлично помнил, что мать у него умерла, когда Кириллу было лет десять, его воспитывала мачеха, с которой у него сложные отношения.

Будучи в расстроенных чувствах, Лена совершенно забыла об этом факте. С издевкой пожелала матери жениха крепкого здоровья и бросила трубку.

Когда мы собрались вечером за одним столом, девочка удивленно заметила.

- Мам, ты будешь удивлена, но художник Амвросий Лебедкин существует на самом деле.
- Думаю, твой отец слышал о нем. Или был на его выставке. Это отложилось в памяти, и неожиданно всплыло, когда он пришел в себя после обморока.
- Я никогда не был знаком с Вашим мужем! – недовольно заметил я. – И мне хотелось бы знать, когда вы обе покинете мой дом?
- Но за Вами некому ухаживать. Денег на сиделку у Вас нет, а мы с дочерью будем следовать всем предписаниям врача... бескорыстно.
- И у вас есть деньги, чтобы покупать лекарства и экзотические фрукты, которые я люблю?
- Н... найдем, - нашлась Лиза и переглянулась с Леной.

После ужина я вернулся в кабинет, сел за стол, взял в руки карандаш и погрузился в творческий процесс. На листе обычной бумаги формата А4 создавал шедевр, который не поддавался объяснению. Потом решил скомкать лист бумаги и швырнуть в урну, при этом изобразил на лице полнейшее отречение от действительности.

Задверная действительность осмелела и стала разговаривать на более повышенных тонах, изменив шепоту.

Подглядывания и подслушивания сочетались с предложениями одной стороны и отрицанием другой.

- Мам, надо продать твои цацки! Вырученных денег нам хватит надолго.
- Лена! Почему бы тебе не продать свои... цацки, а мои оставим на более трудные времена. – сдавленным голосом возмутилась мать.
- Значит, сейчас у нас легкие времена, - хмыкнула дочь.
- Не легкие, но...
- Ясно, будет еще хуже, - перебила ее Елена. – Ладно, колечки-сережки оставим, как память о счастливом безбедном времени, но возникает резонный вопрос: На что мы будем жить? Чем платить за мое обучение?
- Дочь, не об этом надо думать!
- А о чем, позвольте спросить?
- Об отце! Надо его лечить! Доктор сказал, главное – правильный уход. Мы должны окружить его заботой и вниманием.
- Его нужно хорошо кормить, покупать лекарства, а у нас нет денег! – напомнила Ленка.
- Ты устройшься на работу, а я буду ухаживать за Колей.
- Почему бы тебе не пойти на работу? А я буду ухаживать за папой.
- У меня это лучше получится. К тому же сейчас лето, все школы закрыты, я не смогу устроиться по специальности.
- Странно, что ты еще помнишь, какая у тебя специальность, - язвительно заметила дочь. – Хочу напомнить тебе, мамочка, что в твоём возрасте и, не имея стажа работы в школе, учителем тебя вряд ли возьмут.
- Наверное, - вздохнула Лиза, поэтому на работу надо устраиваться тебе.
- И куда я пойду?
- К отцу! – нашлась жена.
- Не поняла.
- Я позвоню Олегу Порташникову и попрошу, чтобы он взял тебя на работу. Не думаю, что он предложит занять тебе вакантное место уборщицы, у тебя незаконченное высшее образование.

- Которое грозит остаться незаконченным, - добавила Елена. Подумала и привела веский аргумент, - мам, ты не забыла, я учусь на экономическом факультете, пусть и в техническом ВУЗе. Какой из меня инженер?!
- На инженерную должность тебя никто не возьмет, а учеником экономиста, запросто.
- Ученик экономиста, - промямлила дочь, пробуя сочетание на вкус. – Звучит, как ученик токаря. Или пекаря.
- Это я образно выразилась, - поспешила объяснить мать. – Ты будешь числиться экономистом, но под присмотром зубра со стажем.
- Ты сегодня какая-то... косноязычная, - выдала Лена. – Когда ты обсуждаешь тетю Вику или тетю Свету, твоя речь льется подобно водопаду, так же неудержимо и так же бесперебойно.
- Не смей так разговаривать со мной! – рявкнула Лиза.
- А ты не смей мною руководить! – парировала дочь.
- Имею право! Я твоя мать!
- Чтобы руководить, надо иметь в голове мозги, а не подшивку журналов мод и сборник дежурных фраз.
- Ты на что намекаешь?!
- Перепалка обещала перейти в потасовку.
Я обязан был вмешаться.
Дамы так увлеклись, что неожиданно распахнутая дверь повергла их в полуобморочное состояние. Обе отпрыгнули, приложили ладони к груди, потом дружно выдохнули и хором заявили.
- Нельзя так пугать людей!
- Нельзя стоять под дверью кабинета и мешать погружению творческой личности в процесс!
- Извините, - промямлили они и двинулись в сторону кухни.
Я подождал, пока дверь за ними закроется, занял выгодную позицию и приготовился дослушать разговор матери и дочери о дальнейших планах.
- Мы можем продать наши автомобили! - возликовала Ленка, радуясь пришедшему решению, отвергающему трудовую деятельность на предприятии по изготовлению колбасных оболочек.
- Ты забыла, обе машины оформлены на отца, - остудила ее радость Лиза.
- Зачем он так с нами поступил? - обиженно спросила дочь.
- Чтобы нам было меньше проблем.
- Заботливый, - загрустила дочь и усердно зашмыгала носом.
- Леночка, не плачь, мы справимся, - стала успокаивать ее мать, а в итоге сама разревелась.
Мое сердце сжалось, я мысленно обозвал себя изувером, и уже хотел пойти покаяться, но следующая фраза заставила меня замереть.
- Наверное, наша жизнь походила на жизнь умственно отсталого человека, который не живет, а существует, - прогундосила Елизавета.
- Прозябает, создавая близким людям огромные проблемы, - подсказала Лена и смачно высморкалась. – Хорошо, что отцу не пришлось за нами горшки выносить, - хмыкнула она.
- В прямом смысле не пришлось, а в переносном... Все дерьмо за нами разгребал. То ты в школе чудила, а он задабривал директора, то я лихачила на автомобиле и предоставляла ему право решать сложные проблемы.
- А сколько раз папа уговаривал нас собраться вместе за ужином и обсудить прошедший день?! – вспомнила дочь. – А мы отмахивались. Мне было интереснее с... предателем Мановцевым, а тебе с твоими подругами.

- Мы вели себя ужасно! И пришла пора расплачиваться...

За безразличие, - мысленно добавил я, потирая руки. - Процесс перевоспитания пошел правильным курсом – начался с осмысления прошлой жизни.

- Мам, я не умею готовить! – испугалась Ленка, - о сложных блюдах не говорю, я не смогу приготовить что-то элементарное, например, яичницу.

- Я сама разучилась готовить. Сама знаешь, или заказывала еду в ресторане, или покупала полуфабрикаты и бросала их на сковороду. Не вкладывала частичку души, не старалась красиво накрыть на стол. Оставляла еду на плите, даже не удосуживалась поухаживать за мужем. Ужас!

- Ужас! – подтвердила дочь.

- Правильно сказал Придуравчиков: безразличие хуже ненависти.

- Я папулю очень люблю!

- И я Коленку люблю!

- Любили, но не ценили, не дорожили, не берегли, за что и поплатились.

- Когда он пропал в лесу, я думала, сойду с ума. Могу честно признаться: сначала выиграл эгоизм. Не он нем думала, а о себе без него. Потом Николай нашелся, смотрю на него и понимаю, что это он и не он... Известный незнакомец... И взгляд холодный, и речь непонятная. Подумала в тот момент: не хватало еще себе на шею обузу повесить. Не хотела ходить за ним, как за малым дитем. Вернулись домой, я всю ночь не спала, а к утру меня озарило: пусть будет немощным, но живым. Неужели мы с тобой не сможем отблагодарить его за все годы, когда он нянчился с нами!?

- Сможем! – убедительно подтвердила Лена. – Мы не калеки безногие – безрукие, как-нибудь заработаем ему на кусок хлеба с маслом и икрой, и себе на кусок хлеб без масла. Умница, девочка, - мысленно похвалил ее я и вернулся в кабинет.

На столе лежал эскиз, который я нервно «намалевал» во время перепалки Лизы и Лены.

Графический набросок поразил меня своей оригинальностью.

Камыш не шумел, но деревья гнулись под сильным порывом ветра. Но не склонялись до земли, а будто наталкивались на невидимую преграду – защитную угловую опору, которая не позволяла стволам деревьев сломаться. На небе зависла луна необычной формы. Я присмотрелся и догадался – грозные тучи пытались ее закрыть от людских глаз, но луна упиралась всеми силами, сдерживала их напор, оставляя лазейку для лунного света. Поэтому форма ночного светила напоминала пустую катушку ниток, но с более плавными переходами.

Я кое-что понимал в графике, по достоинству оценил легкие контурные линии, изображавшие наклоны деревьев, и выразительные пятна туч.

Последний раз я брал в руки карандаш на уроках рисования. Я лихо орудовал обычным карандашом, с акварелью было хуже. Не хватало терпения. Я не мог ждать, пока один тон высохнет, чтобы браться за нанесение другого. С графикой все было проще. Легкие быстрые наброски были выполнены на «высоком художественном уровне», как любила говорить моя учительница, пророчащая мне славное будущее. Я не прислушивался к ней, считал затею с поступлением в художественное училище глупой и ненужной, и в итоге стал технарем. Но владение карандашом пригодилось в черчении.

Что там говорила Лиза о жизненном прозябании?

А бег по кругу с шорами на глазах, как называется? Прикрываться занятостью и не видеть, что творится слева-справа это правильное поведение? Откупаться подарками, чтобы не создавать себе проблем, это правильное поведение?

Все происходит неслучайно!

Настал момент, когда нужно осмотреться и внести коррективы в будущее, чтобы избежать расплаты за прошлые ошибки.

Я снова вернулся к своему графическому наброску. Оценил его более пристально и предположил, что много лет назад двинулся не в ту сторону.

А сейчас поздно что-то изменить?

- Никогда не поздно! – прошептал я в который раз за последние дни, но теперь это высказывание относилось не столько к моим девочкам, сколько ко мне...

Прошло два года...

Сегодня знаменательный для меня день. Открывается выставка графических работ художника Амвросия Лебедкина. Я выбрал себе этот звучный псевдоним.

Николаем Булкиным я стал через полгода после того, как очнулся в яме. Когда Лиза всерьез занялась педагогической деятельностью. До этого она подрабатывала репетиторством – готовила детей к поступлению в первый класс. Слава о выдающемся репетиторе достигла ушей директора школы нашего района, и он пригласил ее на работу. Елизавета Сергеевна погрузилась в нелегкие учительские будни, но не забывала о «больном» супруге, который все дни проводил за письменным столом.

Ленка совмещала учебу с работой экономиста на моем бывшем предприятии. Бывшем. Я ушел оттуда после двух положенных мне месяцев отпуска, как не уговаривал остаться Олег Порташников. Но обиды друг на меня не держал. Именно он занимался устройством моей выставки. Олег рад, что я нашел себя.

После получения диплома дочь перешла на полную ставку, отшила Кирилла Мановцева, который внезапно вспылал к ней любовью по причине замаячившей известности родителя. Елена познакомилась с хорошим парнем, он работает на том же предприятии мастером, полгода назад они поженились и через четыре месяца ждут прибавления. Ленка замечательная жена и уверен, будет прекрасной матерью.

Теперь я точно знаю – обманываться вредно! Лучше чуть-чуть обмануть других, для их же блага. И своего...

Сентябрь 2012года
г. Ростов-на-Дону